

A high-angle photograph of a large passenger airplane, likely a Sukhoi Superjet 100, positioned on an assembly line within a massive industrial hangar. The aircraft is white with blue and red accents. The hangar's interior is characterized by a complex network of steel beams and a high ceiling. Various pieces of equipment, including yellow and blue scaffolding, are visible around the aircraft. The lighting is bright, coming from large windows or skylights at the top of the structure.

А.В. Манин-Уралец

**Заводы Москвы.
Часть 5.
Никакого
застоя**

А.В. Манин-Уралец

Заводы Москвы. Часть
5. Никакого застоя

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Заводы Москвы. Часть 5. Никакого застоя / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

В книгу вошли материалы фундаментального труда автора «Истина нас наконец нашла?!» – История Москвы и Московской области в историях заводов: век XX» издания 2016 года, а именно раздел 2 «Заводы Москвы в и Подмосковья в 1970-1985 годы: никакого «застоя» главы 3.Источниками, вскрывающими общие признаки развития всех промышленных предприятий в условиях социализма советского образца, служат материалы написанных и опубликованных книг автора об истории десятков заводов Московского региона и Южного Урала.

А.В. Манин-Уралец

Заводы Москвы. Часть 5. Никакого застоя

В книгу вошли материалы фундаментального труда автора «Истина нас наконец нашла?!» – История Москвы и Московской области в историях заводов: век XX» издания 2016 года, а именно раздел 2 «Заводы Москвы и Подмосковья в 1975-1985 гг.: никакого «Застоя» главы 3.

Весь труд, как и данный раздел, послужил источником для доказательства точных констант в историях исторических явлений и попытке доказательства существования двигателя социализма советского типа – открытого автором исторического /и общесоциологического/ Закона Исторического потенциала советских промышленных предприятий (предприятий СССР).

В публикациях ссылки на источники означают указание страниц уже опубликованных историй промышленных предприятий, которых в общей сложности автором было изучено 50, написано и подготовлено к изданию, а затем опубликовано 30.

Это заводы Москвы, Московской области и широко известные предприятия Южного Урала.

Работа автором проведена с опорой на тысячи архивных документов, устных и письменных воспоминаний свидетелей и участников исторических событий заводской истории и истории строительства моногородов, а также на музейные экспонаты и другие источники, в т. ч. периодическую печать многотиражек промышленных предприятий, их кадровую и техническую документацию, «пояснительные записки» к годовым отчетам и другое.

Раздел 2. Заводы Москвы и Подмосковья 1970 - 1985 годы: никакого «застоя»

В постсоветской историографии промышленного производства при характеристике периода 1970-1985 гг. часто употребляется понятие «застой» или «застойный период».

По сути, застой является фактом лишь с той позиции, если на фоне более поздних грандиозных преобразований в стране предыдущие достижения уже не кажутся бесспорными, а перед глазами замаячила «культура труда» и «культура продукции» западного производства.

А также становится очень заметным разрыв между культурой труда и эффективностью производства взятых под особую опеку государства оборонных режимных предприятий и «простых» (или средних, обычных) предприятий, работающих по своим методам на хозрасчетной основе.

К когда в погоне за мировыми аналогами, за превосходством над ними в ряде отраслей и на ряде заводов (совместно с НИИ) на фоне представления прекрасных образцов продукции ВДНХ СССР и международных выставок многое из того, что вчера казалось большим достижением и успехом, уже выглядит «отсталостью» или анахронизмом.

Таким образом, «застойный период» - это, с одной стороны, спокойное налаживание режима производства на уровне достигнутых удовлетворительных параметров производства, производственных и трудовых отношений, а с другой, - период постоянных усилий на решение новых задач в сфере производственной жизни, в сфере изготовления и сбыта продукции, в сфере социально-бытовой жизни трудящихся СССР.

При этом необходимо подчеркнуть, что под понятием благополучное развитие завода всегда стояло понятие реконструкция, и, наоборот, под понятием реконструкция – обязательное улучшение работы и жизни.

В результате, у постсоветских историков период сплошных реконструкций «эпохи застоя» 1970-1985 гг. ассоциируется как некие усилия «вылезти из трясины», тогда как преодоление очередных трудностей в СССР на всех заводах Москвы и Подмосковья продолжало оставаться нормальным явлением.

В известном смысле, история завода – это история его реконструкций, поскольку за реконструкциями стояли необходимые условия для поддержания на должном уровне трудового физического тонуса и уровня квалификации коллектива производить необходимую продукцию, строить новое жилье, решать семейные проблемы.

При этом из объектов критики необходимо выделить благополучные предприятия ВПК и оставить в анализе явления, в основном, лишь те заводы, которые развивались с полным объемом своего исторического потенциала, т. е. по своим законам: имели минимум дотаций, своими средствами и героическими усилиями решали задачи производственного и социально-бытового характера.

Большая часть энергии коллективов обычных заводов изымалась у них в пользу развития предприятий ВПК, их социально-бытовой сферы, т. к. многие предприятия ВПК жили за счет дотаций государства (считай – заработанных средств простых заводов).

Разве не могли в таких условиях простые (средние) предприятия СССР не выглядеть действительно как работающие трудно, зачастую лишенные необходимого для своего развития, чтобы на фоне благополучных советских заводов и заводов Запада считаться высокоэффективными?

Безусловно, не могли.

Они прилагали максимум усилий, чтобы в своем развитии двигаться дальше и, более того, им было выгодно не только «трудно работать» и хвалиться этим, но и превозносить трудности до такой степени, указывать столько недостатков, «узких мест», пока в качестве компенсации коллектив не получал реальной возможности «выбить» новые средства на очередную реконструкцию.

Следовательно, на проявление ложного представления «застоя» этого периода оказала значительное влияние оказывала именно самокритика, царящая в атмосфере заводской жизни, некая повсеместно дозволенная доперестроечная «гласность», добровольная хула текущих дел.

В истории Кудиновского завода «Электроугли», например, где до начала 70-х отмечалось много хвalebного, и где непрерывно шли реконструкции, это представлено достаточно наглядно: «...Кое что для более или менее нормального проведения досуга у «Электроуглей» имелось. Но все, наверное, ощущали, что развернись реконструкция активней, как это бывало на многих других предприятиях, в других городах, даже провинциальных, и жизнь тружеников предприятия, возраст которого перевалил за семьдесят лет, стала бы благополучней и интересней.

Обо всех негативных сторонах в современном развитии завода с определенной откровенностью было заявлено (прибывшим на завод) членам ведомственной комиссии, когда наступила новая пятилетка 1971-1975 годов и потребовала от каждого промышленного предприятия не только плана, но и высокой культуры производства.

Как же выглядел завод в свете этой новой и, конечно, как всегда актуальной задачи? Об этом свидетельствуют, в частности, строки архивного документа тех лет:

«...Завод строился и развивался бессистемно. Отсутствует технологическая последовательность переделов участков, в связи с чем грузопоток сырья, полуфабрикатов и готовой продукции имеет соотношение 10:1. То есть в процессе производства продукции практически совершаются 10-кратные перевозки. Производственные цеха, участки завода, а также бытовые помещения, расположенные в старых зданиях, не могут отвечать не только современным, но просто нормальным условиям труда, технически запущены. Некоторые участки не отвечают санитарным нормам, загрязняют окружающую среду, в связи с чем санэпидемслужба ставит

вопрос об их закрытии. Инженерные сети имеют большой износ, отсутствует складское хозяйство. На заводе большой дефицит воды для производственных и бытовых нужд.

В связи с тяжелым производственными условиями завод испытывает большой дефицит рабочей силы, особенно на переделах, смесеприготовления, прессовки. Процент ручного труда - 35%» /С.132/.

И вся эта хула в свой адрес проявляется на фоне текущего нового строительства! «... Ведущее новое строительство,- говорится далее,- не «вписывается» в технологический поток, имеет разрывы в цепочке «склад-цех» и на других переделах. Заготовительный корпус строится с 1968 года и фактически заморожен, угольный – с 1972 года» /С. 133/.

И даже положение с жилищной проблемой представляется чуть ли не «катастрофическим», тогда как недавно, на фоне вчерашней неустроенности, считалась успешно решаемой. «...На заводе плохая обеспеченность жильем, очередь до 360 человек. Не решены вопросы по выселению из санитарной зоны, для решения которых требуется (строительство) еще 2,5 (многоэтажных) дома (250 семей)».

/Там же/.

Увязка проблем завода с общими проблемами городского хозяйства поселка городского типа Кудиново подчеркивает градоформирующий фактор завода.

«Не менее сложные вопросы стоят по городу, в котором завод является ведущим; дефицит воды и тепла. Практически отсутствует достаточное количество продовольственных и промтоварных магазинов. Имеющиеся магазины расположены в приспособленных помещениях, но мало отвечают санитарным нормам. Если оценивать состояние завода в целом, то можно с уверенностью сказать, что оно неудовлетворительное» /С. 133/.

Такие оценки не ставили себе и в более тяжелые и неблагоприятные времена, радуясь каждому достижению. В пыли и загазованности, при неважных покрытиях полов и т. п., что хотя и не соответствовало санитарным нормам, и не всегда даже нормативам по технике безопасности, но в тех условиях не являлось первостепенным.

Более важным казался заработок, премии, льготы, услуги соцкультбыта, школы, детские сады, пионерские лагеря, техникумы, институты, клубы, детские кружки, дворцы культуры, поликлиники для себя и своих детей, не говоря об очереди на улучшение жилья или получение отдельной благоустроенной квартиры.

Таким образом, исходя из фактора расширения гласности, углубления самокритики, за которыми проступало явное недовольство вялыми экономическими реформами, гипотетически можно было говорить и о наступившей эпохе того самого «развитого социализма», которым увидели социализм начала 70-х гг. советское правительство, ЦК КПСС (А. Н. Косыгин, Л. И. Брежнев и др.)

Таковым, вероятно, этот социализм и являлся. Но одной из его характерных черт становится, в отличие от минувших «эпох», неудовлетворенность достигнутыми большими успехами, желание быстро ликвидировать проблемы уже не только героическими самоотверженными усилиями масс, но и за счет государства.

В любом случае, нет веских оснований не считать тот период именно «развитым социализмом», несмотря на наличие множества подобных проблем по всем заводам и городам Московского региона. Поскольку социализм 70-х в СССР также отличался от социализма 50-х, 60-х гг., как социализм послевоенного развития от социализма периода индустриализации 30-х гг.

Но и период индустриализации, и послевоенного восстановления народного хозяйства были все же периодами нового строительства, тогда как после 1966 г. – со времени внедрения косыгинско-брежневских реформ - страна жила в относительном покое, состоянии отдыха, добившись военного паритета с Западом, хотя гонка вооружений и оставалась одним из главных факторов, властно влияющих на приоритеты глобальной советской экономики и, тем самым, как бы моделирующих систему социализма в СССР.

А любая самокритика заводских коллективов, за которой проступает желание жить еще лучше, чем вчера, указывает на рождение в структуре советского метода хозяйствования некоего феномена: осознания всеми хозяйственниками, и в первую очередь, руководителями заводских производств, что история социализма – это история реконструкций, что они нескончаемы, и что именно под них выделяются средства на решение главных потребностей, мотиваций коллективов – на строительство нового жилья, развития соцкультбыта, возведения вокруг завода развитой городской инфраструктуры, причем, инфраструктуры мирового уровня: от прокладки первых грунтовых дорог до строительства кинотеатров и театров, библиотек, корпусов НИИ, санаториев-профилакториев, стадионов, поликлиник и т.д.

О том, что именно в такой модели развития общества, в модели нескончаемых реконструкций видели настоящее и будущее советского социализма все поколения правительства страны, свидетельствуют следующие факты из истории «Электроуглей» (книги с характерным названием «В истории завода – история страны»):

«В этом не было никакой вины завода. Виновато было правительство, в пол-уха внимавшее коллективу, когда год от года изо всех сил работая на план, он справедливо просил ассигнований на современную перестройку как самого предприятия, так и его социально-бытовой инфраструктуры. Правительство было виновато, и оно, наконец, посчитало, что помочь ликвидации множества накопившихся проблем может создание на базе завода «Электроугли» крупного производственного объединения» /С. 131-133/. И в этом – во внимании к трудовым коллективам со стороны правительства, решавшего, чем помочь заводу, коллектив «Электроуглей» был далеко не одинок.

Первая половина 70-х гг. отличается тем, что в этот период в Москве, в Московской области и во всей стране было создано большое количество производственных объединений. Столичные, центральные предприятия часто становились головными предприятиями этих объединений.

То есть правительство настолько уверовало во всемогущество коллективов заводов решать помимо производственных и свои социально-бытовые задачи, что не только делало ставку на реконструкции заводов, как отдельных самостоятельных единиц, но уже на реконструкции всех заводов отрасли скопом, на производство продукции и решение проблем соцкультбыта сообща, при условии объединения заводов своих отраслей.

«На основании решений правительства о повышении эффективности производства на базе концентрации, специализации и ускорения научно-технического прогресса, с целью дальнейшего совершенствования управления электроугольной подотраслью, концентрации ресурсов и приближения управления к производству, постановлением Совета Министров СССР № 139 от 2 марта 1973 года «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» и приказом Министерства электротехнической промышленности № 673 от 4 декабря 1975 года было создано Производственное объединение «Электроугли» в составе Всесоюзного промышленного объединения «Союзэлектроисточник» /С. 134/.

Производственное объединение «Электроугли» представляло собой единый производственно-хозяйственный комплекс, в состав которого вошли основные электроугольные заводы страны: «Электроугли», «Прожекторные угли», «Уралэлектроугли», «Электроконтакт» и Храпуновский механический завод.

Объединению был подчинен также Всесоюзный научно исследовательский и проектно-технологический институт электроугольных изделий (ВНИИЭИ) с находящимся в его составе опытным производством» /Там же/.

Такая схема была характерна для всех новых объединений. «Около 8600 работников объединения обязаны были выпускать 55 марок электрощеток и около 5000 типоразмеров электроугольных и металлокерамических изделий для всех отраслей народного хозяйства» /С. 135/.

«Требовалось в перспективе как следует поработать и над повышением уровня механизации и автоматизации производственных процессов на всех заводах: в основном производстве он составлял лишь около 55%, а во вспомогательном вообще около 25%, и это было слишком уж мало» /С. 139/.

«При решении задач культурно-бытовой сферы планировалось в тот же отрезок времени построить профилакторий на 100 мест, общежитие на 360 мест, жилые дома, обеспечивающие выселение жителей из санитарно-защитной зоны.

Хотя психологический фактор «самостоятельности» еще долго и постоянно будет напоминать о себе каждому заводу, особенно по вопросам специализации и концентрации собственного производства, этот фактор еще не один месяц будет служить помехой к объединению всех сил. Однако уже очень скоро коллективы, где бы они ни сосредотачивались, почувствовали в таком объединении очень мощную силу.

Правда, для того, чтобы в ближайшем будущем можно было говорить о заметных сдвигах, надо было выйти из «трясины отсталости». А в ней даже в 1975 году завод «Электроугли», как уже отмечалось, - чуть не увяз по пояс. Доля ручного труда составляла 34%, уменьшившись всего на 2% за 5 лет... Производительность труда росла медленно (выросла за пятилетие на 20%, вместо запланированных 36%).

Причины этого в конце 1975 года объяснялись так: «В течение длительного периода, во всей пятилетке завод находился в тяжелом хозяйственном состоянии, работал нестабильно и неустойчиво.

Периоды кратковременных периодических успехов сменялись жесткими спадами и провалами,... такая неустойчивая его работа сказывалась на обеспечении хозяйства МПС, МАП, Минавтопрома, Минчермета (Минобороны в т. ч.)» /С. 140-141/.

Можно было назвать еще множество самых разных причин, хотя бы ту, что мужчин на заводе работало гораздо меньше, чем женщин (примерно, 960 против 1400), а при очень тяжелых условиях труда в электроугольном производстве вытягивать планы декад и месяцев работникам было конечно труднее» /С. 141/.

Далее необходимо жирно подчеркнуть, насколько «не застойным» был период т. н. «застоя», учитывая неуклонное движение заводов вперед, не взирая ни на какие трудности, а, может, и вопреки этим трудностям.

«Но не взирая на все эти проблемы, завод при повышенном внимании со стороны министерства в первые месяцы уже набирал обороты, а после 8-9 месяцев о его отсталости было забыто. Чудо свершилось. В отчете в адрес министерства уже говорилось: «Головной завод в течение 1976 года уверенно обеспечивает выполнение плана по объему производства... Число заказчиков доходит до 1000, для которых изготавливается свыше 2000 типоразмеров изделий...»

/С. 142/.

Никак нельзя признать «застойным» периодом в функционировании завода, исходя и из следующих фактов, событий и явлений: «Планы у завода «Электроугли, всего объединения были столь велики, что для поддержки в решении комплексного плана техперевооружения объединения к нему были привлечены 14 научно-исследовательских институтов.

И это было, безусловно, необходимо.

Чего стоили только те работы, которые предстояло осуществить на самом головном заводе!

Здесь планировалось до 1980 года ввести в эксплуатацию корпус угольного производства и заготовительный корпус, административно-бытовой корпус и корпус вспомогательных производств. Кроме того, предстояло осуществить реконструкцию зданий и сооружений, находящихся в ветхом состоянии, как подчеркивалось, «с полной перепланировкой технологического потока и обеспечения последовательности грузопотока по цепочке трудящихся».

/С. 143-144/.

Анализ и изучение источников позволяет сделать также вывод, что несмотря на положительные факторы любого объединения заводов, по ряду позиций оно носило почти формальный характер.

Так, в 1972 году подмосковный «Внуковский завод огнеупорных изделий был объединен со Снегиревским заводом огнеупорных изделий...»

Поскольку снегиревское производство территориально было значительно удалено от внуковского производства, то тесных контактов между коллективами, в общем, не произошло.

И все же, если такие явления могут быть признаны как явления некоего застоя аналитических институтов промышленности, то они не могут быть признаны застойными как процесс, поскольку процесс развития всех предприятий Москвы и Подмосковья как раз свидетельствовал об обратном – история заводов от пятилетки к пятилетке была историей прогресса, и он был очевиден не только в рамках Советского Союза.

При рассмотрении истории других подмосковных заводов можно подчеркнуть, в частности, следующие их крупные достижения в рассматриваемый период – 70-х, 80-х гг. и до времени Перестройки 1985-1991 гг.

К середине 1970-х гг. на Соколовском заводе металлоконструкций, как отмечалось в его истории, «до 20% всей выпускаемой продукции... отправлялось по экспорту для 20 стран мира: Вьетнама, Кубы, Болгарии, Югославии, Монголии, Индии, Афганистана, Алжира, Ирана, Пакистана и других.

Только в 1974 г. завод изготовил на экспорт 2250 тонн металлоконструкций, отправленных на Кубу и в МНР» /С. 109/. «Производительность труда в результате механовооруженности, энерговооруженности и других факторов к 1976 г. по сравнению с 1948 г. увеличилась в 6 раз.

Невзирая на все это, завод однажды был охарактеризован в отчетах, как завод, находящийся «в отсталом состоянии» /С. 113/.

А между тем, как свидетельствуют факты, «Соколовский ЗМК очень успешно выполнил плановые задания 2-х лет 10-й пятилетки. По итогам работы за IV квартал 1977 г. заводу было /даже/ присуждено 2-е место во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий и организаций Минмонтажспецстроя СССР и 3-е место среди машиностроительных предприятий Щелковского района. В 1977 г. завод достиг объема валовой продукции в размере, составившем рост по сравнению с 1948 г. в 22,1 раза, было изготовлено свыше 23 300 тонн металлоконструкций и 17 280 тонн электродов. Численность работающих составляла в это время около 560 человек, в т. ч. более 400 рабочих» /С. 117/.

До эпохи Перестройки, т. е. в тот самый «застойный» период, как отмечалось далее в том же источнике, «коллектив Соколовского ЗМК продолжал поставлять большие партии металлоизделий для очень ответственных новостроек, занятых монтажом крупных, очень металлоемких конструкций, при этом для некоторых из них завод оставался поставщиком /надежным/ на протяжении долгого времени, от 3-4 до 10 лет, а то и больше.

Так, например, около 10 лет он обеспечивал конструкциями строительство завода «Электросталь» (в 70-80 гг.), несколько лет – завод «Серп и Молот», в течение примерно 10 лет (в 70-80 гг.) – объекты завода им. Хруничева. С середины 70-х гг. и примерно до 1980 г. строил высотное здание московского Дома книги, потребовавшего от завода тысячи тонн металлоконструкций разного профиля. Года 3-4, в конце 70-х - начале 80-х гг. помогал строить завод «Хромотрон», в котором поднимался огромный производственный корпус, потребовавший десятки тысяч тонн металлоконструкций. С конца 70-х гг. завод взялся в течение 10 лет обеспечивать металлоконструкциями СТЗ НЦИ в Битце - строительство там 24-этажного корпуса и др. уникальных объектов. Долгие годы завод поставлял металлоконструкции для строительства Центрального статистического управления Москвы...» /С. 138-139/.

Огромная дополнительная нагрузка в это время легла на работников цехов завода в связи с заказами на изготовление ответственных металлоконструкций для Московской Олимпиады-80.

Работавший в те годы мастером в цехе сборо-сварки А. С. Рянский, заместитель генерального директора завода (1998 г.) вспоминал: «В цехе сборо-сварки в 1979-1980 гг. шла самая напряженная работа, не прекращавшаяся порой даже в ночное время и нередко прихватывающая выходные дни, так как коллектив нашего завода вместе со всеми предприятиями страны, какие только работали над заказами для олимпийской стройки, старался уложиться в график выполнения своего объема работ. Заказы были разные. В частности, во втором пролете цеха, которым я руководил, изготавливались универсальные покрытия для стадиона на Проспекте мира. Конструкция эта потребовала от коллектива самой скрупулезной работы, поскольку к этой конструкции предъявлялись повышенные требования по качеству, нужна была очень высокая точность исполнения сварки и сборки.

При этом цеху приходилось выполнять запланированный объем работ для всех остальных заказчиков Москвы и Подмосковья. Трудились в этом цехе, да и в остальных цехах очень интенсивно» /С. 140/.

Не могут быть названы «застоем» и последствия столь напряженной и ответственной работы: «Надо сказать, что приобретенный опыт на выполнении подобных заказов заставил молодых специалистов, пришедших на завод недавно, в самые короткие сроки вникнуть во все тонкости производства, познать технологию до мелочей, а в скором времени отдельным специалистам взять на себя еще большую ответственность, еще больше работы...» /Там же/.

«К началу 80-х гг. Соколовский ЗМК оставался наиболее крупным предприятием по выпуску металлоконструкций в рамках своего региона, поэтому, согласно заказам самой различной сложности, продукция его шла многочисленным трестам и военным предприятиям («почтовым ящикам»), в т.ч. трестам «Стальмонтаж», «Стальконструкция», № 7, «Моспромонтаж», а также Главспецстрою, Московскому МУ, Московскому СМУС и другим» /С. 149/.

Стоит подчеркнуть, что и этот завод постоянно, систематически осуществлял свои реконструкции, что также не позволяет характеризовать его работу как «застойную», впрочем, как и правительственных ведомств, курирующих развитие заводов, выделяющих средства, контролирующих выполнение работ. «На основании распоряжения Совета Министров СССР от 18 ноября 1980 г. (№ 2340р) и Минмонтажспецстроя СССР от 31 декабря этого года (№ 321) на Соколовском ЗМК с 1981 г. началась реконструкция «с целью изготовления высокопрочных метизов 10 000 тонн в год и экспериментальных конструкций 1000 тонн в год».

«441 вагон с металлоконструкциями отправил коллектив в 1981 г. своим поставщикам, в каждом вагоне в среднем укладывалось около 19 тонн продукции.

С ее помощью было своевременно завершено строительство таких важнейших пусковых объектов, как Казанское ПО «Оргсинтез», корпус «Б» и СТЗ НЦИ, СПК НЦИ и другие. В то же время заводом поставлялась продукция и для объектов «продовольственной программы» /начало 80-х гг./: Тобольскому НХК, ВНИИКриогенмашу, Московскому мясокомбинату и другим. По решению Московского областного бюро МК КПСС, принятого в октябре 1981 г., завод приступил также к изготовлению металлоконструкций кормораздатчиков для совхозов и колхозов области...»

/С. 160-161/.

А накануне Перестройки в 1984 году завод был призером Всесоюзного социалистического соревнования, получив 3-ю денежную премию. И даже в год начала Перестройки завод являлся мощным, стабильно выполняющим все заказы министерств и ведомств, предприятием. Работал с патриотическим подъемом, как и всегда.

В 1985 г. коллектив завода поддержал инициативу передовых предприятий страны, ставшую всенародным движением, по достойной встрече 40-летия Победы в Великой Оте-

чественной войне и 50-летия стахановского движения. В частности, был поддержан почин Новосибирского завода металлоконструкций: поставлять продукцию потребителям раньше установленных сроков. Приняв условие почина, завод на 10 дней раньше срока выдал продукцию на строительство Московского медеплавильного завода в количестве 150 тонн, и на целый месяц раньше договорных обязательств – Ярцевскому заводу дизельных двигателей... Не обделил коллектив завода и самого себя... для нужд собственной реконструкции выдал металлоконструкций около 60 тонн, также досрочно, чем порадовал монтажников-подрядчиков.

В честь 40-летия Победы коллектив еще в начале года решил: каждый работник отрабатывает один день в честь этого юбилея, в знак памяти о героях войны, а деньги будут перечислены в Фонд мира» /С. 183-184/.

Также на подъеме, зачастую с патриотическим порывом в честь славных юбилейных дат, с осознанным чувством необходимости поддерживать призывы различных заводов и организаций, в т. ч. инициированные партийными органами, ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и ЦК Профсоюза, работали на Чеховском «Энергомаше».

Причем, это не касалось лишь т. н. «рабочего движения», как фактора «гегемонии пролетариата». Завод 70-х, 80-х гг. был не тем заводом, каким он был в первые послевоенные пятилетки. В его составе работали уже сотни высокообразованных специалистов /со специальным техническим образованием/, для большинства из них понятие «поработать в поте лица», было не менее реальным, чем для рабочих у станков, и в этом они уже не собирались уступать «рабочему классу».

В 1973 году «из более 600 инженеров и техников большинство разрабатывало перспективные планы развития завода, многие сами же являлись организаторами их выполнения, но каждый из них принимал непосредственное участие в освоении новой техники. 250 инженеров и техников предусмотрели в своих планах более 500 мероприятий, направленных на повышение эффективности производства, 380 из них были внедрены.

Это был отличный результат. Он был следствием того, что коллектив поддержал всесоюзный почин под девизом «Каждому инженеру и технику – личный творческий план по ускорению технического прогресса», который активно пропагандировался главным инженером завода Л. Д. Замошниковым» /С. 102/. Большое значение по-прежнему играло массовое участие в рационализаторской работе, проводившейся в тот период под знаком борьбы за присвоение звания «Лучший рационализатор завода». «Всего более 250 человек принимало активное участие в рационализаторской работе, за 2,5 года с начала пятилетки ими было подано более 1500 предложений и 1014 из них были внедрены» /Что также свидетельствует о значительном повышении квалификационного уровня заводчан на тот период/... Унификация электроприводов, проведенная по инициативе начальника конструкторского бюро А. М. Буянова, позволила уменьшить трудовые затраты на 3570 нормо-часов... Внедрение притирочного станка и сферообточного станка по предложению инженера ОГТ Алешкина позволило снизить трудовые затраты на 2500 тысячи нормо-часов /С. 103/. И это показатели лишь по двум техпредложениям из более чем тысячи внедренных.

Разрабатывали свои личные творческие планы и многие рабочие.

«В успешном выполнении всех обязательств определяющую роль сыграла внедренная на заводе система индивидуального планирования рабочими производственных заданий по методу Московского завода «Динамо» /С. 104/. В середине 70-х гг. «завод активно работал по почину коллектива Московского автозавода им. Лихачева за ускорение внедрения в производство достижений науки и техники, за поиск дополнительных резервов...» /С. 133/.

«В 10-й пятилетке /76-80 гг./ заводские коллективы один за другим подхватывали инициативу Московского завода им. Владимира Ильича, призывавшего по его примеру организовать соревнование производственных бригад, связанных между собой технологическим процессом, под девизом «Пятилетке качества – рабочую гарантию и высокую эффективность труда».

Важно отметить, что работа в условиях напряжения, вызванного патриотическими призывами, в т. ч. и со стороны ЦК КПСС, являлась одним из основополагающих факторов крепости советского социализма.

Данный фактор позволял, с одной стороны, крепить мощь родной страны, укреплять ее экономику, а с другой – всем коллективам заводов Москвы и Подмоскovie, как и заводам всей страны, чувствовать себя нужными, важными, хозяевами жизни. Это достигалось различными мотивациями. Одна из главных – поддерживать устремленность трудящихся решать насущные социально-бытовые вопросы. В ответ трудящиеся гарантировали свой неугасающий энтузиазм. Для правительства он был необходим, как гарантия устойчивого выполнения планов, поскольку соцсоревнование разных форм в любом случае позволяло обязательно (гарантированно) решать любую необходимую для государства и народного хозяйства производственную и социально-бытовую задачу.

Действовали принцип и практика: подвело планирование – выручит сверхплановая работа, энтузиазм масс.

«Министерство энергетического машиностроения, вкладывая ресурсы в развитие предприятий своей отрасли, всячески поддерживало полезные начинания на своих заводах, ведь они-то и составляли суть трудового соревнования, с помощью которого правительство легко черпало необходимые резервы.

Поэтому в истории Венюковского арматурного завода так много места занимают трудовые почины, инициативы, творчество.

Это было частью необходимого, чтобы обеспечивать размещение энергетических производственных сил, рассредоточившихся по всей стране, особенно в восточных районах Союза, где продолжалось формирование крупнейшей нефтяной и газовой базы. (С помощью заводов московского региона). Получали дальнейшее развитие Братский, Усть-Илимский и Саянский производственно-территориальные комплексы, увеличивался экономический потенциал Дальнего Востока, наблюдался значительный рост промышленности в Казахстане и республиках Средней Азии.

Всем этим регионам требовалась энергия, станции, а, значит, продукция и труд венюковцев. Энергетика делала свой самый мощный шаг вперед: энергетический потенциал страны только в 1974 г. увеличился на 11,3 миллиона киловатт, а ведь это превышало мощности всех электростанций 1940, довоенного, года. В это время набирали полную силу Ириклинская ГРЭС, поднявшаяся на отрогах Южного Урала, и флагман белорусской энергетики Лукомльская ГРЭС им. 50-летия СССР, где уже с нетерпением ожидали продукции заводчан. Венюковский арматурный в эти годы изготавливал и поставлял арматуру на строительство гигантской доменной печи № 9 объемом 5000 М³ на Криворожском металлургическом заводе, а также в крупнейшие кислородно-конвекторные цеха Западносибирского и Новолипецкого металлургических заводов, на другие предприятия. Большие поставки задвижек и арматуры завод готовил для объектов нефтехимической, газовой, металлургической и др. отраслей народного хозяйства, а также на экспорт» /С. 115-116/.

К началу 80-х гг. «арматура, выпускаемая заводом, кроме того, что постоянно монтировалась в системе АЭС и ТЭС Союза, еще и экспортировалась в 32 страны мира» /С. 198/. В зарубежные страны выезжали многие лучшие специалисты завода /С. 134/.

Это также характеризует работу завода как весьма успешную. И похвала в адрес работников промышленности, в адрес энергомашиновенюково со стороны правительственных органов была заслуженной. Когда говорилось о больших достижениях заводов Москвы и Подмоскovie, в т.ч. с трибун партийных форумов, – это было правдой. И когда коллективы награждали государственными наградами, даже десятками человек – это было также вполне заслуженно /С. 181, 197/.

Венюковцы систематически удостоивались различных наград, орденов и медалей, красных знамен, премий по результатам соцсоревнований. Итоги своей работы в 1976 году они отразили в Рапорте XXV съезду КПСС, который взял с собой делегат съезда токарь арматурного цеха № 1 В. Н. Тетерин. «В рапорте, в частности, рассказывалось о том, что за годы реконструкции были построены новые компрессорная, кислородная и ацетиленовая станции, сталелитейный цех, заканчивалось строительство большого механосборочного корпуса.

В области жилищно-бытового строительства, согласно проекту реконструкции второй очереди завода, коренным образом изменил свой облик заводской жилой поселок. В нем было построено жилой площади 36 500 квадратных метров жилья или 12 шестидесятиквартирных домов. Кроме того, были построены и открыты школа на 960 учащихся; общежитие на 216 мест; комбинат бытового обслуживания; аптека; бакалейный магазин в микрорайоне; заводской пионерлагерь «Сказка» на 249 мест.

За этот период произведено заново благоустройство поселка, реконструирована основная поселковая дорога, проведена работа по газификации микрорайона.

По благоустройству заводской поселок занял 1-е место в городе.

Мощность завода после окончания реконструкции второй очереди должна была возрасти с 25 000 тонн арматуры в год до 34 400 тонн» /С. 145/.

«Совет Министров СССР проявлял дальнейшую заботу по развитию энергетики страны, а также по развитию мощностей на Венюковском арматурном заводе, в результате чего в 10-й пятилетке /1976-1980 гг./ должна была быть продолжена реконструкция и вместе с ней социальное развитие поселка.

В перспективе было намечено построить заводской клуб, ПТУ на 430 учащихся и профилакторий.

Финансовая поддержка для реализации этих задач являлась логическим продолжением осуществляемой программы министерства, хотя можно было ожидать и более значительных вливаний в завод, поскольку к арматуре для атомных электростанций вновь были предъявлены особые, более повышенные требования...» /Там же/.

Помощь, действительно, была постоянной. С 1973 г. финансировалось и внедрение на заводе прогрессивных станков с числовым программным управлением /С. 96/.

К началу 1976 г. в цехах имелось 11 станков с ЧПУ, спустя два года их число возросло до 150, а к концу 1980 г. их стало больше еще на несколько десятков /С. 160/.

Разумеется, количество станков, даже и очень большое, не может являться показателем эффективного развития экономики страны, но, тем не менее, на всех заводах Москвы и Подмосковья внедрялись десятки станков с ЧПУ, и их количество постоянно увеличивалось, что означало и повышение квалификации рабочего персонала, рост эффективности производства и улучшение качества выпускаемой продукции.

При этом нельзя не признать, что эффективно развивающейся экономику можно было назвать уже лишь при условии широкого внедрения в производственные отрасли народного хозяйства электронно-вычислительных машин. Эта отрасль реально отставала от западной, и понятие «застой» в области внедрения ЭВМ, а вскоре и в области персональных компьютеров», в данном случае, было вполне обоснованным.

Однако следует признать и то, что на всех крупных заводах Союза и, в первую очередь, в Москве и Подмосковье активно развивались информационно-вычислительные центры, в работу вступали ЭВМ все более обновляемых поколений.

Об этом свидетельствуют все истории заводов.

В этой связи, немаловажным фактором признания работы венюковских арматуростроителей прогрессивной, является следующее: «В начале 1981 г. заканчивалась приемка программ разрабатываемых задач АСУП первой очереди. Немногим ранее был введен в промышленную эксплуатацию электронно-вычислительный комплекс серии ЕС-1022,

на котором, спустя несколько месяцев, стали решаться самые трудоемкие задачи отделов заводоуправления и администрации цехов. Подсистемы решали вопросы управления технической подготовки производства, технико-экономического планирования, бухгалтерского учета, операционного управления основным производством, управления качеством, материально-технического снабжения, подготовки управляющих программ для станков с ЧПУ и другое» /С. 181/.

Вовсе не «застойным» является период и с точки зрения повышения уровня качества заводской продукции Москвы и Подмоскovie в течение 70-х – 80-х гг.

Этому в истории завода также немало свидетельств. Вот только некоторые из подобных фактов: «В 1976 г. на заводе началась разработка Комплексной системы управления качеством продукции, которая велась рабочей группой, назначенной приказом по заводу из ведущих специалистов основных отделов... С августа того же года на заводе началась подготовительная работа и по внедрению системы качества энергетического машиностроения (СКЭМ). Создается координационная группа из 19 человек; возглавившим эту работу было дано задание до конца года довести число изделий с государственным Знаком качества до 50 единиц» /С. 146-147/. «К 1980 г. завод уже не имел изделий 2-й категории качества, ... зон выпускает со Знаком качества 97 изделий, удельный вес которых от товарного выпуска составил почти 33%...

В 1980 г. в соответствии с приказом по заводу № 432 от 19. 12. 79 г. и техническим заданием был разработан перспективный «План развития и совершенствования комплексной системы управления качеством продукции на 1981-1985 гг. Ежегодно разрабатываются Техническое задание по КС УКП и план развития КС УКП с целью повышения качества труда и выпускаемой продукции. Завод ежегодно участвует в отраслевом смотре-конкурсе на лучшую организацию работ по управлению качеством продукции, стандартизации и метрологии, и по итогам работы 1979 и 1981 гг. предприятие занимает 3-е место по отрасли» /С. 169-170/.

«В 1982 г. завод выпускал уже 103 изделия с государственным Знаком качества. Этому во многом помогало сотрудничество с научно-исследовательскими организациями – ВНИИА-Мом, НПО ЦКТИ, НПО ЦНИИТМаш, ИЭС им. Е. О. Патона. Заводу было чем гордиться. Ряд изделий, например, главная запорная задвижка Ду-850 миллиметров превосходила лучшие зарубежные образцы...

Говоря об успехах, директор завода А. С. Горбунов в журнале «Энергомашиностроение» № 9 за 1982 г. подчеркнул высокие достижения... по повышению надежности арматуры и задвижек. Средний срок службы их только за последние годы увеличился со 100 тысяч часов до 200 тысяч часов, а средний срок межкапитального ремонта – с 3-4 лет до 4-6 лет». /С.199/.

Об успехах заводов Москвы и Подмоскovie знали во всей стране, и в историях заводов Московского региона много примеров о представлении коллективами лучших образцов своей продукции – лучших в СССР или мирового уровня – на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

В истории венюковских арматуростроителей отмечалось: «Результаты коллектива ЧЗЭМ, как наиболее значительные в отрасли, отражались в центральной печати, особенно те достижения, которые заслуживали высоких оценок на главной выставке страны.

Повышение технического уровня работающих и улучшение качества продукции позволили коллективу завода в течение уже более 15 лет /к 1981 г./ активно демонстрировать на ВДНХ СССР результаты достижений науки, техники и передового опыта своего производства.

Из документа 1981 г.: «За минувшие три пятилетки завод представил 93 экспоната, из них 46 удостоены наград ВДНХ СССР. Шесть раз завод награждался высшей наградой выставки – дипломом, а также автомобилем «УАЗ-469Б...»

/С. 176/.

Выискивая в историях заводов признаки негативного состояния дел, позволяющие выявить в эпохе 70-х - первой половины 80-х гг., то есть за 15 лет, признаки «застоя» совет-

ской экономики и советской системы, почти в каждой из таких историй негативным фактором является возросший дефицит рабочих кадров.

Заметное снижение интереса молодежи 70-х, 80-х гг. к промышленному производству, особенно городской молодежи или ставшей жить почти в городских условиях, как и в Венюково, было вызвано снижением стимулов получить квартиру, статус передовика, чтобы иметь различные льготы – все, что было основным для представителей более старшего поколения работников (их родителей).

В известном смысле, этот «застой» по сути своей некоей самоуспокоенностью, которую можно считать в высшей степени позитивным фактором даже в сфере промышленного производства 70-х, 80-х гг.

Народ мог наконец-то передохнуть после самоотверженного труда в период коллективизации, индустриализации, войны, послевоенного восстановления страны и периода достижения паритета в области вооружений в условиях противостояния «в холодной войне» Союза ССР и Западного мира.

Во-вторых, старшее поколение рабочих в основной своей массе не желало, чтобы их дети стали рабочими. В рабочие шли после ПТУ, и, в основном, те, кто не мог поступить в вуз или техникум, хотя в заводской жизни было много своих плюсов. Кто это осознавал, тот поступив на завод (ставший без сомнения уже современным заводом), чувствовал себя довольно комфортно. Однако для этого по-прежнему требовалось трудолюбие, терпение, способность к постоянному переобучению в связи с усложняющимися задачами производства. И если прежде практически любой мог стать передовым рабочим, поскольку от него требовалось больше работать руками, «поворачиваться» за станком, и он нес мало ответственности за проблемы в бригаде, в цехе, то теперь наступила «эра» внедрения различных прогрессивных форм бригадной организации труда.

В большой степени это было вызвано дефицитом рабочих кадров, но, в конце концов, это же послужило и заслоном для тех, кто не желал (или весьма слабо желал) работать с повышенной ответственностью за результаты своей работы при той же зарплате, в то время, как в области соцкультбыта его проблемы были, в основном, решены (его родителями).

Примерно с тем же ощущением самоуспокоенности жили и представители властных структур: постоянно повторяя слова о гегемонии пролетариата и победе коммунизма, они, тем самым, как бы усыпили и свою бдительность.

В гипотетических условиях отсутствия военного противостояния, экономического противостояния социальных систем – СССР и Западного мира – эпоха «развитого социализма» успокоенности, больших достижений могла бы быть охарактеризована весьма позитивной, как ступень к более благополучной жизни в следующей эпохе.

Но преимущества западной экономики, связанной с интеграцией в сфере рынка производства и потребления товаров для населения в конце концов стали очевидны молодому поколению в СССР. Однако на него едва ли можно было рассчитывать, что оно компенсирует упущения властей в области планирования экономики, социальной сферы, как это всегда делали представители предшествующих поколений.

Вместе с тем, этот фактор, как один из основных факторов «застоя», стал очевиден лишь в результате краха Перестройки 1985-1991 гг., пытавшейся поправить состояние дел в советской идеологии и экономике, но так и не сумевшей решить эту задачу.

Еще в первой половине 80-х гг. попытки стабилизировать кадровый состав на заводах Москвы и Подмоскovie для большинства населения выглядели вполне обычными, и верилось, что внедрение в производство научной организации труда, а на рабочих участках - бригадных форм организации труда, очень эффективно и за ними будущее.

Правда, массовость в новых условиях уже не являлось гарантией качественного исполнения задуманного; массовость поддержки почина, массовость встречного плана, массовость

повышенных обязательств, массовость в более жестких новых формах организации труда – все это могло дать уже лишь временный положительный результат, тем более, когда к тем же «массам» предъявили и повышенные требования по дисциплине, а вынести это новому поколению, грезящему о более легких деньгах и более легкой жизни, было уже крайне трудно, настолько – что многие с легкостью были готовы поменять советский образ жизни на «западный».

Но «верхи» словно не замечали этого, словно торопились решить собственную сиюминутную задачу любой ценой. Они обращаются к молодежи с призывом поработать «как отцы и деды», словно не понимая, что молодому поколению это не нужно, у него все есть, а тех, у кого не устроен быт, уже гораздо меньше, чем тех, у кого быт устроен; что произошел перелом в сторону «либерализации» мотиваций молодежи; и что чем больше будет разговоров о «пережитых трудностях и бедах отцов», тем менее привлекательным будет не только настоящее, но и будущее, которое станет требовать того же самого и от нового поколения.

Советские правительственные награды, в этой связи, вообще теряли свое изначальное значение: подчеркнуть роль, заслугу работника в достижении общих результатах труда в векторе социализма. Более того, надевать награды многим становилось даже неловко, совестно, боязно, чтобы не услышать в свой адрес предательского смеха из-за спины или не вызвать лишний раз грубой хулы в адрес прошлого своей многострадальной страны.

Подтверждением всему этому служат факты из истории завода ЧЗЭМ. «В 1984 г. проводятся широкие мероприятия по вовлечению бригад в работу по комплексному внедрению планов научной организации труда, в этой работе приняло участие 16 творческих бригад, в т.ч. около 50 рабочих. Только эта работа по НОТ на заводе в 1984 г. дала прирост производительности свыше 1%.

Несмотря на то, что завод испытывал нехватку в рабочих кадрах, администрация стала строже подходить к нарушителям дисциплины.

В практику вошли рейды по использованию рабочего времени, результаты их освещали «Комсомольский прожектор» и «Молнии», постоянно проводились фотографии и самофотографии рабочего дня. Все эти мероприятия к началу 1985 г. дали большой положительный результат. Производственные потери рабочего времени в 1984 г. к уровню 1981 г. сократились почти на треть! – на 31,9 процента при задании министерства - на 13%. За эти успехи завод получил благодарность от министра энергетического машиностроения.

К 1985 г. уровень сдачи продукции с первого предъявления составлял уже 95,6%.

Это тоже было успехом коллектива. И все же успех этот достался с большим напряжением.

На заводе не хватало свыше 100 станочников. Чтобы наконец стабилизировать обстановку с привлечением новых кадров, ЧЗЭМ заключил договор с городским Бюро по трудоустройству о комплектовании завода рабочими. В июле 1985 г. на завод придет первая партия необходимых рабочих – 45 человек выпускников ПТУ-32, в т.ч. токари и слесари механосборочных работ» /С. 214/.

Важно подчеркнуть и связанное с нехваткой кадров в этот период «шатания умов молодежи» рождение нового негативного фактора: утери ориентации и стимулов у значительной части молодых выпускников вузов и техникумов, у которых также постепенно исчезал интерес к постоянной гонке за повышенным планом; жизнь этому посвящать не хотелось. В истории далее отмечалось: «В то же время согласно приказу министерства и задания Минэнергомаша за 1984 г. было сокращено 36 штатных единиц управленцев». В масштабах страны это были уже десятки, а, может, и сотни тысяч человек.

«Упор делается на творческую самостоятельность бригад. С 1984 г. на заводе разрабатывалась и внедрялась комплексная система управления бригадной формой организации труда с оплатой за конечные результаты, в первом полугодии 1985 г. эта работа бала закончена: все

цеха основного производства были переведены на работу по технологическим бригадокомплексам с оплатой за конечные результаты труда» /С. 214/.

В этих условиях в рамках заводов рождался еще один сильный фактор, повлиявший на ускорение формирования в среде молодого поколения рабочих негативного отношения к работе на заводе.

Все предыдущие годы рабочий был уверен, что он всегда получит свою оговоренную зарплату, «оклад», лишь бы бригада выполняла план.

Бригада представляла собой коллектив рабочих, в котором недостаток одних качеств у одних рабочих компенсировался переизбытком этих качеств у других, рабочие осваивали смежные профессии, имели по две профессии, и, если рабочий был многостаночником, то к его станкам проявлялось повышенное внимание со стороны ремонтников и наладчиков.

Но бригадная форма организации труда 80-х гг. уже настойчиво преобразовывалась в ту форму, где, согласно коэффициенту трудового участия (КТУ), деньги за работу распределялись не согласно 100% - ому гарантированному и стабильному окладу, а по решению членов бригады: сколько дать и давать ли вообще.

Передовики, лидеры бригад стали получать значительно больше, «средняки» и тем более отстающие из таких бригад уходили.

Заводы теряли ценнейшую прослойку рабочих, являвшихся гарантами выполнения плана за счет интенсивной эксплуатации их рабочих рук в случае необходимости выполнения срочных и сверхсрочных работ (т. е. контингента рабочих, всегда в чем-то чувствующих вину за свою «недоработку», но имеющих почти тот же пакет социальных гарантий, что и контингент передовых рабочих; и потому всегда готового отработать «недоработку» в сверхурочные часы или даже в выходные дни, взять на себя самую «черную» работу и не роптать).

Оставшийся контингент чувствующих себя (в отсутствии отстающих и середняков) рабочими нового уровня, новой формации уже трудно было заставить работать самоотверженно без постоянного повышения зарплаты.

На это возможностей у государства становилось все меньше. К 1985 г. резко упали цены на нефть и газ: западный мир выждал свой час и нанес по СССР страшный удар, тут же потребовав долги или компенсации за отсрочку их выплат.

Власть КПСС вынуждена была начать радикальные реформы: ставка, как всегда, была сделана на энтузиазм масс, но гласность лишь усилила эффект негативного отношения к заслугам и достижениям старшего поколения, смешав их со всеми негативными явлениями и ужасами пережитого в эпоху сталинизма: будто уже и не существовало периода 1953-1985 г., периода «развитого социализма» 70-х, 80-х гг., когда страна становилась мировой державой и, в десятку раз уступая в численности всему населению западного мира, заметно слабее в экономическом отношении, она все же обеспечивала условия для все более достойной жизни своим гражданам.

Таким образом, «застойными» явлениями в истории заводов, и, следовательно, в экономике страны, во всей системе народного хозяйства и системе советского социализма можно, при анализе разных фактов, явлений, событий, процессов обозначить все, что так или иначе привело к уступкам Западу: Перестройка второй половины 80-х гг., либеральные рыночные реформы 90-х гг.

«Застойными» явлениями может быть обозначен и вообще любой «трудный», «самоотверженный» труд.

Но отнюдь не легким этот труд является и в развитых капиталистических странах.

Следовательно, главный признак «застоя» может быть выявлен в результате анализа разницы в качестве жизни.

На этом фоне становится бессмысленным отрицать все огромные заслуги коллективов заводов страны, в первую очередь Москвы и Подмосковья, как наиболее передовых в техниче-

ском отношении, поскольку разница в качестве жизни с 1917 г. по 1985 гг. в России и братских республиках и в странах Запада существенно уменьшилась в пользу СССР.

Продолжая путь в советском социализме, оставалось бы только ждать дальнейшего ускорения этого в высшей степени позитивного, но никак ни «застойного» процесса.

Другое дело, возможно ли было дальнейшее позитивное движение вперед советского социализма? Если признать возможность этого как высшее благо, а то, что помешало этому – Перестройку и либеральные экономические реформы - как негативный фактор, то период, предшествующий 1985 и, тем более, 1991 годам, характеризуется как период больших достижений развитого социализма, который, к большому сожалению, но все же объективно, терял свою жизнеспособность на подступах к ХХI веку и был уничтожен непреодолимой силой экономического давления мировой капиталистической экономики.

С этой точки зрения изучение историй заводов Москвы и ближайшего Подмосковья, заводов всей Московской области является не изучением одних лишь «хвалебных» достижений, имевших место и подробно освещенных на страницах историй, но изучением всех трудностей, всех факторов, определявших природу социализма в ту или иную эпоху под давлением тех или иных внешних и внутренних обстоятельств.

И значит, это становится изучением методов работы и организации труда, которые важны, как позитивный пример для дальнейшего развития страны в условиях, когда далеко не все разделяют убеждения реформаторов-либералов, что путь будущего России лишь в русле чистого капитализма без госкапитализма, а, тем более, без социалистических методов управления народным хозяйством.

Опыт работы историй заводов Москвы и Подмосковья, отраженный в его историях, указывает на поистине безграничный потенциал в их развитии, учитывая и систематический переход от одного качественного состояния к другому, причем, в условиях постоянного экспериментирования; учитывая и то, что на заводах систематически менялось руководство, которое всегда стремилось улучшить производство, реализовать личный творческий потенциал, опыт, высокий профессионализм.

Практическая реализация этого на практике также отвергает домыслы о периоде 70-х г. как периоде «застоя».

Из истории Чеховского завода «Гидростальконструкция»:

«Было что-то символическое в том, что руководил заводом, начиная с 1973 г., специалист, занимающий до этого пост главного конструктора (начальника КБ) Р. Л. Галеев. На всем предприятии, особенно в среде инженерных структур, специалисты все больше ощущали тяжесть и ответственность возрастающего с каждым годом объема выпуска экспериментальной продукции... Утвердили нового директора безоговорочно. Передавая дела Р. Л. Галееву, Г. В. Кошелев еще раз напомнил, что завод требует техперевооружения и того, чтобы его перевели в другую категорию... Что касалось последнего – это было правильно: категория давала заводу право увеличить заработную плату всем работникам. Вопрос о техперевооружении стоял сам собой: как говорится, в любой пятилетке – не без этого. Но где новое строительство? Из всех, получаемых на обновление средств, лишь 10% разрешалось использовать на строительные цели, а эти «цели» до сих пор включали в себя в основном монтаж нового оборудования.

Многие объекты завода - в ветхом состоянии. Необходимы: новое заводоуправление, гараж, склад металла и другое. Без этого реального строительства очень сложно увеличить объемы выпуска экспериментальных изделий, получить в конце концов, статус опытного завода!.. Эти планы Радик Лутфулович раскрыл на первых же производственных совещаниях, на общезаводском собрании.

Что это значит, догадывались все: значит, работать еще больше, чем прежде. И... это нравилось не каждому. Работы и без того хватало... Задачи стояли такие, что к концу пятилетки надо было отчитаться за поставки свыше 75 000 тонн оборудования и металлоконструк-

ций. Не помешают ли «оптимистические» вмешательства выполнению этой текущей задачи пятилетки? Кто-то в открытую предостерегал директора, давая совет «не гнать лошадей».

Оборудование в цехах - в удовлетворительном состоянии, спасибо комплексной механизации. Уровень механизации высок, условия труда нормальные. Чего же еще?

Что касается строительства, так и тут - не полный застой: силами завода произведен капитальный ремонт бытовых помещений, сборосварочного и энегомеханического цехов, в соответствии с требованиями СНиП. Уровень зданий - в удовлетворительном состоянии...» /С. 182-183/.

Не сразу завод добился нового статуса, но шел к этому упорно и настойчиво. «Дальнейший его вклад в укрепление народного хозяйства определялся тем знаменательным фактором, что приказом Министерства электростанций и энергетики СССР № 51 от 24 февраля 1981 г. заводу был присвоен статус опытного завода... Значение «опытный» отныне определяло основное направление в работе коллектива: изготовление опытных образцов оборудования для атомной энергетики, гидроаккумулирующих станций и других объектов» /С. 245/.

«Все новые виды энергетики начинались с малого. К атомной пришли в 1956г., когда была пущена первая атомная электростанция мощностью 5 мегаватт в Обнинске. Затем были и другие по всей стране.

Но вот наступила потребность поиска и использования принципиально новых видов энергии. С тех пор, как зажглась первая электрическая лампочка, десятилетиями взоры ученых, инженеров всего мира были обращены... к Солнцу. Из так называемых возобновляемых источников энергии Солнце представлялось наиболее сильным, надежным, вечным, и особенно там, где наиболее ярки его лучи... С началом 80-х г. было подготовлено и утверждено технико-экономическое обоснование строительства СЭС /солнечной электростанции/ мощностью 5 мегаватт. Опытнo-промышленную установку предполагалось ввести в действие в 1985 г. в солнечном Крыму под Керчью. Здесь было решено построить первую в стране опытную станцию СЭС-5 с новым оборудованием, принимающим солнечную энергию, - гелиостатами.

Гелиостат – зеркало площадью 25 квадратных метров, набранное из отдельных зеркал. Сфокусированная в одной точке солнечная энергия нагревает котел и обеспечивает работу станции.

Вот такие изделия и были заказаны опытному заводу «Гидростальконструкция», и выдать первые образцы – 3 единицы – предстояло уже в 1981 году. А вслед за тем – целое поле таких зеркальных отражателей... Но и это еще не все: назвавшись «опытным», иди вперед смелее. Большой объем работ необходимо было выполнить для Загорской гидроаккумулирующей станции, задача которой – давать электроэнергию в часы «пик» для Москвы и Московской области» /С. 46-247/.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.